

А. С. КОЛЕСНИКОВ

Бертран Рассел в России

Творчество выдающегося мыслителя XX в. лорда, графа, логика, математика, философа, лейбориста, феминиста, пацифиста, политического активиста, лауреата Нобелевской премии по литературе (1950) Бертрانا Рассела (1872–1970) в России достаточно известно. Представление его работ тесно увязано с его занятием вначале логикой и математикой, затем теорией познания, проблемами естествознания, свободомыслием, педагогическими идеями, борьбой за права женщин и выступлений против войны 1914–1918 гг. Дальше в центре внимания оказываются его работы по проблемам философии морали, истории философии, борьбы за мир против войны во Вьетнаме, участие в кубинском конфликте. Большинство его жизненных коллизий описано им в ряде публицистических работ, в огромном количестве писем, а также в монографии «Мое философское развитие» (1959) и «Автобиографии» (т. 1 — 1967; т. 2 — 1968; т. 3 — 1969).

Первой работой Рассела, переведенной на русский язык, были «Очерки по истории Германской социал-демократической рабочей партии» — лекции, прочитанные автором в Лондонской школе экономических и политических наук в феврале и марте 1896 г. Издатель, по всей видимости, ориентировался на общественное мнение, связанное с интересом к социал-демократии, что выражалось в целом ряде публикаций на эту тему и в России, поэтому какой-то реакции работа не вызвала. Что касается самой работы, то автор проявил себя как уверенный в своей правоте давать оценки этому движению ученый. Рассел рассматривает социал-демократию и как общественное движение, основывающееся на экономической теории, и как целое учение — философию мира и развития человечества, религиозную и этическую систему. При этом он утверждает, что «целью метафизики было и есть прославление существующего строя, установление взгляда на церковь и государство как

на воплощение абсолютной идеи»*. Касаясь теории Маркса, английский философ заявляет, что в области логики Маркс — «диалектический рационалист», а в метафизике (онтологии) — «догматический материалист». Этой «двойственностью» объясняется якобы особенность теории «экономического материализма», лежащая в основе социал-демократического учения. Из толкования диалектики Марксом будто бы вытекают «революционный характер ее и неизбежность, почти фатальность всякого процесса развития». Поэтому ничто не может задержать предначертанного хода событий. Этот «фанатизм более чем что бы то ни было вдохновляет социал-демократию и сообщает ей веру и силу религии»**. Рассел характеризует марксизм как фатальное учение, основанное на «нравственных идеалах пролетариата и на необходимости их победы»***. Фатализм его исходит из материалистической концепции Маркса, философия которого «представляет собой смесь Гегеля и английской экономики». Вместе с тем Рассел признает, что «материалистический взгляд на историю не оставляет места для религии, т. к. рассматривает все догматы как продукт экономических условий»****. Пусть это и не совсем так, но признание весьма ценное.

Второй переведенной на русский работой Рассела стала статья «Новейшие работы о началах математики» (1901, рус. перевод 1913). Через год после нее вышла на русском его значимая работа «Проблемы философии». К настоящему моменту она переведена на большинство важных языков мира, а на английском выдержала двадцать четыре издания. Заметим, что обе эти работы также остались практически без внимания исследователей.

Основной работой, представляющей философию Бертрана Рассела в достаточной полноте в России, была «История философии» (1918) П. П. Блонского. К этому времени уже были ясны основные позиции Рассела, которого автор работы характеризовал как одного «из наиболее видных современных английских философов», чьи концепции «пользуются сейчас огромным вниманием в англосаксонских странах», будучи популярными и в «романских странах (Франция, Италия)»****. Познакомиться с ними очень важно, по мнению Блонского, поскольку Рассел «крайне своеобразно» подходит к решению проблемы познания внешнего мира.

* *Рёссель Б.* Очерки по истории Германской социал-демократической рабочей партии. Шесть лекций. СПб., 1906. С. 2.

** Там же. С. 4–6.

*** Там же. С. 134.

**** Там же. С. 21.

***** *Блонский П. П.* История философии: в 2 ч. Ч. 1. М., 1918. С. 200.

По мнению Рассела, одним из основных вопросов философии является вопрос о методе философии. Беда философии в том, что она испытывает сильное влияние этики и религии, пренебрегая научным методом. Следствием этого явилось существование многих ошибочных понятий в философии. Среди них — понятие «вселенная» как пережиток докоперниковской астрономии: видимое единство мира есть просто целостность того, что видит отдельный наблюдатель и что воспринимает отдельный ум. Другим примером ошибки выступает этизация философии и антитеза добра и зла. С этой точки зрения Рассел критикует эволюционизм. Не говоря уже о принципиальной недопустимости возведения эмпирических обобщений на ступень априорных законов (этим разрушается их единственная основа — эмпирическая), Блонский акцентирует, что по Расселу, эволюционизм основывается на этических понятиях, ибо для него характерна вера в прогресс, которая основана на ничтожном подборе фактов, дающем лишь «бесконечно малый фрагмент пространства и времени». Убеждение, что развитие «идет вперед», есть бессознательное заверение. Оно — просто антропоцентрическая попытка придать закономерную силу нашим собственным желаниям, просто следствие всегда неизбежной субъективной этики.

Поскольку философии следует пользоваться исключительно научным методом, то ее предложения должны быть не собирательными, а распределительными и априорными. Философия должна стать логикой, которая определяется Расселом как «инвентарь возможностей», список могущих быть абстрактно поддерживаемыми гипотез». Таким образом, философские предложения суть априорные аналитические суждения, столь решительно в свое время забракованные для философии Кантом. Блонский констатирует, что, по взгляду Рассела, философия должна быть «этически нейтральной», отличаться от естествознания, ибо ее предложения относятся к гораздо более отвлеченным сущностям. Ввиду оригинального содержания философских суждений, у нее не может быть конфликтов с естествознанием и моралью, что потребует удаления из философии проблем, решаемых эмпирически. К мнимо философским проблемам Рассел относит бессмертие души и бытие Божие. Вывод таков: философия — логика, ее предложения — априорные аналитические, а ее метод — анализ.

П. Блонский считает, что логика Рассела «очень оригинальна», ибо мыслитель «является одним из вождей» логики, которая стремится свести философию и математику к логике. Поскольку работа Блонского нацелена на ознакомление читающих с новой философией, то он доступно излагает суть логики, которая возникла из математики, связана с работами Кантора и Гильберта. Учение

Кантора о сверхконечных числах, о трансфинитных числах привело его к выводу, что и обыкновенные целые числа являются одним из незначительных классов этих чисел. В этом случае можно вывести всю арифметику и алгебру чисто логическим путем. Гильберт придает исключительно формальный характер и геометрии, независимой от пространственных интуиций. Вся геометрия выводится чисто аналитическим путем из минимального числа основных аксиом, имеющих только условный характер. На основе подобной математики и появилась логистика, ее представителями Блонский назвал Рассела, Кутюра, Пеано, Уайтхеда, Фреге и Витгенштейна. Блонский пишет, что Кутюра привел сводку результатов логистики и нашел, что Рассел и Пеано символическим языком написали математические трактаты без единого слова обычного языка и связанных с ним интуиций, чем окончательно опровергли учение Канта о синтетических априорных суждениях. Вывод закономерен: математика — чистая логика.

Почему же Рассел здесь выступает в первых рядах основателей логистики? Рассел строит свою логику с логики предложений (а не классов, как у Аристотеля), и основным силлогизмом выступает у него гипотетический. При этом в своей логике предложений он изучает законы сочетания союзов «и» и «или» (а не «если» и «но», как в прежней логике), когда «и» — логическое умножение, а «или» — логическое сложение (ибо эти союзы обладают свойствами перемещения, сочетания и распределения). Подобная логика богаче традиционной, поскольку дает возможность ничем не ограниченных комбинаций. По мнению Блонского, Рассел склонен к отрицанию логики классов. Эта новая логика должна явиться мощным орудием «научной» философии. Полем действия для научного метода в философии является наше познание внешнего мира. Чтобы сделать проблему внешнего мира логико-математической проблемой, Рассел объявляет физические объекты функциями чувственных данных. Иными словами, стоит не «выводить» существование вещей здравого смысла, атомы, пространство и время, а «конструировать» все это гипотетически, умственно или логически. Новая логика дает гигантские возможности логических форм, простор логическому воображению и материал для огромного числа логических конструкций относительно эмпирических фактов. Вывод таков: везде, где возможно, стоит заменять физические сущности логическими конструкциями.

Блонский обращает внимание на то, что Рассел, используя принцип абстракции, стремится определить при наименьшем числе допущений отношения между миром чувственных данных и миром физики, являющимся логическими функциями чувственных дан-

ных. Поскольку всякая логическая функция реальных чувственных данных должна логически существовать, то и сомневаться в существовании пространства, времени и материи как логических функций не стоит. Получается, что Рассел «строит свое учение о внешнем мире на основании своих собственных чувственных данных»*. Таким образом, чувственные данные каждого человека строят его частный мир, причем имеются соотношения между схожими чувственными данными в разнообразных подобных мирах. Вещь в этом случае определяется как класс всех сходных чувственных данных во всех частных приватных мирах. Опираясь на это определение вещи, мы устанавливаем общее пространство и время, в которых и существуют вещи, и их изменения. Это общее пространство и время конструируется, а частный мир считается точкой в новом пространстве. Так вводятся возможные частные миры в общий мир. Каждый из нас живет в своем отдельном мире, имеющем свои собственные пространства (осозательные, зрительные и др.), но кроме них имеется и пространство, в котором любой частный мир присутствует как точка, или пространственная единица. Общее пространство точек зрения позволяет рассматривать частный мир как явление, представляемое универсумом с известной точки зрения («пространство перспектив»).

Для работы предлагаемого аппарата конструирования мира Рассел включает сенсibiliи. Это объекты, обладающие сходным «метафизическим и физическим статусом, что и факты ощущений, но не обязательно являющиеся фактами какого-либо индивидуального сознания». Корреляция сенсibiliй перспектив дает сенсibiliи, которые называются «явлениями вещи», а собрание сенсibiliй в различных перспективах и есть вещь. Психолога интересует «место, из которого» и сенсibiliя кажется ему субъективным, и там, где есть воспринимающий. Физика больше интересуется «местом, в котором и для него сенсibiliя — внешнее и физическое». Подобным способом Рассел конструирует общий временной порядок для состояния вещей, событий и их отношений. «Реальны ли объекты нашего восприятия и независимы ли они от воспринимающего» — ни один из терминов не определен, и ответ неосуществим. По мнению Рассела, объекты восприятия не находятся в неизменном состоянии в то время, когда они не воспринимаются. Но мы должны помнить, что объекты восприятия суть единственная эмпирическая познаваемая часть физической материи и сами могут быть названы эмпирическими. Физические законы обуславливают характер и длительность объектов восприятия без какого-либо от-

* Там же. С. 203.

ношения к факту их воспринимаемости. При установлении этих законов предложения физики не предполагают ни психологических предложений, ни существования ума. Вот таков «реализм» Рассела, констатирует П. Блонский.

Представленная точка зрения английского философа подкрепляется ссылкой на статью Рассела «Отношения чувственных данных к физике» (1914). В этой статье Рассел замечает, что физика считает чувственные данные функциями физических объектов, но возможно и физические объекты считать функциями чувственных данных. Поэтому мы можем формулировать чувственные данные в терминах физических объектов либо физические объекты в терминах чувственных данных. Поскольку «вещь» не может отождествляться с каким-либо ее единичным явлением, постольку можно мыслить о чем-то отличном от явлений. Согласно принципу «бритвы Оккама» («сущности не должны быть умножаемы сверх необходимости»), если класс явлений выполняет те задания, ради которых была изобретена вещь, то экономия требует, чтобы мы отождествили вещь с классом явлений. В таком случае отпадает необходимость в использовании таких сущностей, как субстрат или субстанция.

Итак, каков вывод Блонского? Он убежден, что Рассел — крайний априорист и формалист, целиком сводящий философию к формальной логике. В этом смысле его можно считать идеалистом. Вместе с тем его рассуждения об объектах восприятия как о единственной эмпирически познаваемой части физической материи и признание отношения сходства (а не тождества) между объектами восприятия и не воспринимаемыми реальными объектами представляют возможность говорить о весьма своеобразном «реализме» Рассела. «Учение Рассела является как бы новой разновидностью перехода от идеализма к трансцендентальному реализму»*.

Представителями реализма Блонский считает Рилья, Кюльпе, Рассела, Липпса (предупреждавшего об опасности признать, что вещи — комплексы ощущений), Дильтея, Тренделенбурга с его критикой трансцендентальной эстетики Канта, Зигварта и Целлера. Затем к реалистам он относит всех материалистов, энергетиков и биологистов, т. е. представителей «метафизической научной философии». Из представителей научной критической философии к реализму приближаются Авенариус и Пуанкаре. Даже имманентная философия в лице Шуппе подходит к наивному реализму, как и Мах. «Философия ценностей» в лице Мюнстерберга также приходит к реализму. Реализм в философии защищается во имя наивного реализма, чтобы спасти «естественное миропонятие», но чаще

* Там же. С. 205.

всего его отстаивают в виде критического реализма, чтобы так или иначе удержать «метафизическое» или трансцендентное. «В философии гносеологический реализм часто, но не всегда, связывается с метафизикой, служа или подготовкой для нее, или даже введением в нее». Вот почему с некоторой натяжкой Блонский объединяет ряд критических реалистов, переходящих к метафизике.

Библиография, представленная по философии Рассела, говорит о том, что автор знаком с «Принципами математики», «Проблемами философии», «Очерком философии», «Научным методом в философии», «Нашим познанием внешнего мира», с рядом статей в «Proceeding of the Aristotelian Society», с разбором «Principia Mathematica» Кутюра, «Тракта по логике» Пуанкаре, критикой логистов у Кассирера в статье в «Kantstudien» (1907). Впечатляют вопросы для закрепления этой теории: метод и предмет философии Рассела, реформа логики, учение Рассела о proposition и propositional function, знание по знакомству и дескрипция, частное и общее пространство у Рассела, чувственные данные и вещи, проблемы традиционной метафизики в решении Рассела, в чем видит Рассел ошибку абсолютного идеализма.

Конечно, в сравнении с кратким очерком философии Б. Рассела (1918) Филиппа Журдена (1879–1919), текст Блонского не затрагивает многих проблем, которые британский философ к этому времени уже освоил. Утверждение Рассела, что сущность философии есть логика, обосновывалось в специальной главе «Нашего познания внешнего мира» (1914). Но Рассел подчеркивал, что эта логика не имеет никакого отношения к внешнему миру, поскольку «познание логических форм есть нечто совершенно отличное от познания существующих вещей»*. Большую известность получила работа Рассела «Проблемы философии» (1912), в которой было проведено различие между якобы объективными чувственными данными и ощущениями чувственных данных, которые присущи субъекту. В статье «Отношение чувственных данных к физике» (1914) появляется термин «sensibilia», т. е. «нечувственные данные», это различие запутано, а в книге «Анализ сознания» (1921) оно исчезает вообще. Чувственные данные — это те же ощущения, но воспроизведенные в памяти.

Каждый знает, что Рассел думал, что его логицизм конфликтует с философией математики Канта. Но дело в том, что ранний логицизм Рассела двойственен, что ведет к лучшему пониманию места «Оснований математики» (1903) Рассела и Уайтхеда в истории фундаментальных исследований. Логицизм Рассела соответствовал конфликту с кантианским заявлением, что математические суждения являются

* *Russell B. Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy.* Chicago, London, 1914. P. 52.

синтетическими априори; для редукции математики к логике стремятся создать аналитическо-математические высказывания. Это была определенно фрегевская позиция, касающаяся арифметики, но не позиция Рассела. До столкновения с Витгенштейном Рассел думал, что аксиомы математики (а на самом деле — аксиомы логики) являются синтетическими априори, что он и отметил в «Философии Лейбница» (1900): «Суждения арифметики, как открыл Кант, все без исключения синтетические»*. В «Основаниях математики» он замечал, что «Кант никогда не сомневался ни на мгновение, что суждения логики являются аналитическими, поскольку он справедливо осознавал, что суждения математики являются синтетическими. С тех пор следует, что логика есть только синтетическая, как все другие сорта истины»**. В «Проблемах философии» он подтверждает: «Кант без сомнения заслуживает доверия <...> в осознании того, что мы имеем априори знание, которое не является чисто “аналитическим”***, ибо он «осознал, что <...> все суждения арифметики и геометрии являются синтетическими, т. е. не аналитическими»****.

Есть ли конфликт во взглядах Рассела между логицизмом и философией Канта? Логицизм как доктрина утверждает, что математика сводима к логике. Стандартная версия логицизма — каждая математическая теорема может быть сформулирована в терминах чисто логических понятий и проверена на основе чисто логических посылок и правил вывода. Имеется, однако, радикально отличная версия тезиса: математика есть логика, которая подразумевает обращение ко всей математике, а не только к арифметике. Эта версия и описывается Расселом и одобряется в первой части «Оснований математики» (1903): «Вся чистая математика ведет дело исключительно с понятиями, определяемыми в терминах очень малого числа фундаментальных логических концептов, и <...> все эти пропозиции выводимы из самого малого количества фундаментальных логических принципов»*****.

Второй смысл логицизма, или условный логицизм, утверждает, что логика достаточна, чтобы формулировать и доказывать все суждения чистой математики, и позже требует *modus ponens* и дедуктивной теоремы, равной утверждению, что логика достаточна, чтобы делать из посылок математических аргументов все выводы, которые дают право выводить. Конечно, имеются противоречия

* *Russell B. A Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz with Appendix of Leading Passages. Cambridge, 1900. P. 21.*

** *Russell B. The Principles of Mathematics. Cambridge, 1903. P. 457.*

*** *Russell B. The Problems of Philosophy. London, 1912. P. 82.*

**** *Ibid. P. 83–84.*

***** *Russell B. The Principles of Mathematics. Cambridge, 1903. P. XV.*

между стандартной и условной концепциями логицизма. Рассел совмещает обе доктрины, хотя в «Принципах математики» он делает упор исключительно на стандартной версии. В ранней философии эти две доктрины играли дополнительные роли: апеллируя к обоим логицизмам, Рассел, в отличие от Фреге, мог признавать в пределах теории, что вся математика является логикой. Стандартный логицизм Рассела был предназначен, чтобы опровергать кантовский тезис о синтетическом характере математики. Конфликт с Кантом должен вести условный логицизм Рассела. Он был удовлетворен признанием того, что «чистая физика» (он называет ее «радикальная динамика») есть «ветвь чистой математики»*, а следовательно — логики. Но также чистой экономики, географии и любой аксиоматизированной теории (первого порядка), сводимой к логике. Если эти логицизмы уместны, то кантианство Рассела включало много сомнительного. Вот почему Рассел мог благовидно убеждать, что все математические понятия, вероятно, были определены без апелляции к кантианской чувственности.

С 1908 г. Рассел стал членом Фабианского общества, а с 1914 г. — лейбористской партии. И как левый активист он отправился в Россию с делегацией английских профсоюзов и членов Рабочей партии. Он встречался с Лениным, Троцким, Каменевым, Свердловым и Горьким, выступал на митингах в Петрограде и Москве. Делегацию встречали оркестрами, парадами и банкетами, «как принца Уэльского». В своей книге «Практика и теория большевизма» (1921) Рассел пишет об азиатской России, страдающей от религии большевизма. Тема религии проходит чуть не главной линией в повествовании, ибо положения диалектического материализма сравниваются с заветами Библии, пролетариат — с «избранным народом», Маркс — с Иисусом, партия — с церковью, революция — с пришествием Мессии. Советскую республику Рассел сравнивал с республикой Платона, Красную Армию уподоблял кромвелевской Армии святых. Характеристика крестьян — невежи, интеллигенции — несознательная, страна не готова к прогрессу и т. д. Знакомство Рассела с идеями социал-демократии и гильдейского социализма не давало ему шансов реально оценить шаги России к новому обществу.

В 1926 г. на русском языке публикуется совместная работа Рассела и Джона Бёрдона Сандерсона Холдейна (1892–1964) «Дедал и Икар (Будущее науки)» (ранее Холдейн выпустил книгу «Дедал, или Наука и будущее» (1923). Холдейн происходил из старинного шотландского рода, давшего стране и миру немало выдающихся деятелей науки, культуры, политики, военного искусства.

* Ibid. P. XXXVII.

В Итонском колледже (1905–1911) он проявил выдающиеся способности в области математики, классических языков и естественных наук. За время учебы в Итоне ему были присуждены призы за лучшие знания по физике, биологии и химии, а в конкурсе по математике в 1908 г. он стал обладателем приза Бертрана Рассела. Рано проявившийся синтетический подход в решении научных проблем, верная оценка значения науки и техники в прогрессе человеческого общества позволили ему в тридцать лет стать соавтором всемирно известного ученого Бертрана Рассела. Книга «Дедал и Икар» построена в форме диалога и выступает одной из первых попыток спрогнозировать будущие линии развития некоторых областей науки и техники и оценить воздействие научно-технического прогресса на развитие социума.

Холдейн писал, что «изобретатель в области химии или физики всегда является своего рода Прометеем. Нет такого великого открытия, начиная с огня и кончая авиацией, которое не рассматривалось бы как оскорбление какого-либо божества»^{*}.

Рассел более категоричен: «Я не могу не высказать опасения, что новая наука скорее послужит к усилению власти господствующих партий, чем увеличению человеческого благополучия. Мифический Икар, научившийся летать у своего отца Дедала, погиб, благодаря собственной опрометчивости. Боюсь, чтобы подобная участь не постигла народы, которые современная наука научила летать»^{**}.

Книга стала первым философским манифестом Холдейна. Как участник Первой мировой войны он озабочен будущим, но с оптимизмом пытается говорить о завтрашнем дне. На вопрос, не породил ли человек такие силы, которые могут взбунтоваться против него самого и сбросить его в бездну злоключений, Холдейн отвечает, что невозможно задержать развитие научного и технического прогресса и стоит доверять разуму, который возьмет верх над безумием уничтожения. Человечество создало из недр материи своего рода Деморгону, которая уже начинает восставать против самого человека и старается свергнуть его в бездну. Конечно, ни Рассел, ни Холдейн еще не видят подлинных путей и конкретных сил, способных спасти человечество от гибели. Очень высоко оценивает Холдейн в те годы биологию: «я уверен, центр тяжести научного интереса переносится в биологию»^{***}.

Рассел вопрошает: является ли «наука благословением или проклятием для человеческого рода?» — вопрос не разрешенный. Она может влиять на человека: либо, «не изменяя общего характера че-

^{*} Холден Д. Б., Рёссель Б. Дедал и Икар (Будущее науки). Л., М., 1926. С. 35.

^{**} Там же. С. 65.

^{***} Холдейн Дж. Б. С. Будущее науки. М., Пг., 1923. С. 66.

ловеческих страстей», может увеличить возможность их удовлетворения, либо воздействовать на творческую фантазию и на теории, «прилагаемые на практике энергичными, сильными людьми»*. Рассел ограничивается рассмотрением возможностей, которые предоставила наука «в деле удовлетворения наших страстей». Он делит науки на три группы: физические, биологические и антропологические. К первой группе он относит химию и всякую науку, касающуюся свойств материи как таковой. К антропологической группе относятся все науки, касающиеся исключительно человека: человеческая психология и физиология (между которыми не существует резкой границы, по Расселу), антропология, история, социология и экономика. Что касается биологической науки, то, по Расселу, «дарвинизм и теория эволюции отразились на человеческой природе; из них вышла аргументация, защищающая свободу конкуренции, а равно и национализм»**.

Наука, согласно Расселу, развила в человеке способность управлять природой и может увеличить его благосостояние и счастье, но быстрые перемены, вносимые в жизнь наукой (особенно физической), «нарушают равновесие между нашими инстинктами и окружающими нас условиями». Войнственность, инстинкты господства и соперничества (хотя оно служит более мощным побудительным импульсом, чем любовь и деньги) должны искусственно подавляться, «дабы промышленный прогресс мог надлежащим образом совершать свое дело»***. Благодаря науке возросла продуктивность труда, что позволило увеличить народонаселение, расширить жизненный комфорт и посвятить наибольшую энергию делу войны. Усовершенствование организации способствовало развитию национализма. На интенсивность организации влияет «процент олигархического, демократического или монархического элемента в данной организации»****. Рассел уверен, что, пока источники экономической силы останутся в частных руках, свобода будет существовать только для тех, кто их держит. Вот почему «такие либеральные идеалы, как свобода торговли, свобода печати, свободное воспитание и образование, принадлежат, в сущности, к прошлому»*****.

Каков же выход? После «долгого боевого периода» целесообразно установить «единую мировую организацию». Хотя жизнь покажется неприятной, «но, в конце концов, терпимой». Рассел убежден, что «мировое правительство» может быть установлено «только насиль-

* Холден Д. Б., Рёссель Б. Дедал и Икар (Будущее науки). Л., М., 1926. С. 66.

** Там же. С. 66.

*** Там же. С. 69.

**** Там же. С. 78.

***** Там же. С. 81.

ственным путем». «Вначале оно будет жестоким и деспотичным, но все же я признаю его необходимым ради создания научной цивилизации, осуществление которой откроет новые перспективы терпимого существования»*. Мировое правительство должно заняться регулированием прироста населения, хотя он ограничивается войнами и голодом. «Человек, действующий из чистого эгоизма, причиняет меньше вреда, чем человек, движимый “духом общественности”»**. Белые расы ограничивают рождаемость, а цивилизованные расы, благодаря науке белых, будут расти. «Такое положение вещей приведет к тенденции, уже наблюдаемой у французов, — употреблять более плодovitые расы в качестве наемных солдат». В дальнейшем, предполагает Рассел, отрешение от предрассудков приведет к тому, что правительства приобретут право на стерилизацию лиц, нежелательных в качестве родителей. Рассел предвещает евгенику и фашизм. Науки содействуют осуществлению целей людей, стоящих у власти, однако если бы люди осуществляли действия сознательно и обдуманно, «наука могла бы создать рай на земле. Но люди руководствуются страстями, которые искажают их первоначальные намерения»***. Поэтому, по Расселу, надо укреплять добрые импульсы. И поможет в этом деле «установление единого мирового господства одной социальной группы, своего рода Мировых Соединенных Штатов». Печальная участь Римской империи приходит на ум, так что «падение нашей цивилизации, пожалуй, явилось бы наиболее желательным выходом из этой дилеммы»****. Так неутешительно заканчивается эта книга буржуазного гуманиста. К этой теме он еще вернется в 1950–1960-е гг., и получит достойную отповедь. Его идею подхватит «Римский клуб» (1968). Рассел в дальнейшем изредка упоминает проект «мирового правительства», о котором после Первой мировой много говорили англичане (правда, тогда они подразумевали под «мировым правительством» Британское Содружество). Этой теме посвятил книгу Фабианец Леонард Вульф.

Время появления переводов трудов Рассела было таково, что его теории, кроме логики и математики, были почти неизвестны. Только в 1936 г. Эрнст Кольман (1892–1979) в работе «Предмет и метод современной математики» с марксистских позиций критикует логичизм и позитивизм Рассела. В десятой главе «Математика и философия» он пишет о кризисе оснований математики и разбирает семь течений в философии математики. Логистика, по мнению Кольмана, свои высказывания считает не отображениями действительности,

* Там же. С. 83.

** Там же. С. 85.

*** Там же. С. 92.

**** Там же. С. 93.

а безусловными истинами, которые не нуждаются в подкреплении опытом и не могут им быть опровергнуты. Эта точка зрения отражена в парадоксальном определении математики, данном Расселом: «Математика — это наука, в которой не знают о чем говорят, ни верно ли то, что говорят». Доказуемость своей правоты логистика производит через символическую запись логических понятий и заключений. Математика образует свои понятия чисто логически и чисто логическими методами строит свои доказательства. Восходит это к Лейбницу (1671), который «мечтал о создании всеобщей символики, о механизации мышления». Но только в конце XIX в., в период Дедекинда (1888), Фреге (1893), Пеано (1895), логическая символика была разработана настолько, что удалось дать логический анализ понятия числа и показать достаточность пяти аксиом для обоснования арифметики натуральных чисел. В дальнейшем Рассел (1903), а затем вместе с ним Уайтхед (1910) изложили логику в объемистых трудах как законченную дисциплину.

В это время в среде логиков происходит критический пересмотр взглядов, что видно по работам Вейля (1918), вскоре перешедшего на позиции интуиционистов, Хвистека (1923) и в особенности Витгенштейна (1922). Средством логики выступает ее символика, построив исчисление предложений, затем логических функций и логических классов, логики переходят к построению систем аксиом для натуральных чисел. Каждый из логиков — Пеано, Падоа, Кутюра, Бурали-Форти, Рассел — употребляет свою собственную символику. Сама попытка создания алгебры логики не означает еще ни отрыва от действительности, ни превращения истин в нечто аморфное и непонятное. Лишь благодаря тому, что логики пытались свести арифметику к логике, а логику понимали метафизически, лишь благодаря их идеалистической методологии работа логиков потерпела неудачу. «Корни их позиции состоят, в конечном счете, в классовом характере математики». Вот таков вывод! Следовательно, логистика несостоятельна в самой своей основе, она не справилась со своими проблемами. Правда, ей удалось, по мнению Э. Кольмана, создать точную логическую символику как важное орудие научного исследования и с ее помощью выявить логическую структуру математических понятий и математических доказательств. Заканчивает книгу Кольман заявлением: «Как и вся наука, математика имеет в классовом обществе классовый характер, ход ее развития через экономику, технику, естествознание и философию в конечном счете определяет классовую борьбу»*.

В СССР отметили заявления мыслителя в 1948 г. о сохранении ядерной монополии США, требования к СССР прекратить разработ-

* Кольман Э. Предмет и метод современной математики. М., 1936. С. 297.

ки собственного ядерного оружия и даже его предложения — в случае отказа — сбросить ядерную бомбу на Москву. Вместе с тем как идеолог и организатор британского антивоенного движения он выступил одним из организаторов Пагуошских конференций ученых всего мира в борьбе за мир, начало которым положил знаменитый Манифест Эйнштейна — Рассела, обнародованный 9 июля 1955 г. В 1957–1958 гг. он вступил в переписку с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым и госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом, целью которой было желание убедить обоих политиков в том, что их общие интересы гораздо важнее разногласий. В течение всего Карибского кризиса Рассел с антиамериканских позиций выступал против блокады Кубы.

Только в конце 1950-х гг. стали появляться работы, отражающие истинное положение в сфере логики и математики и роль Рассела в разрешении парадоксов и проблем. Большим подспорьем в оценке творчества Бертрана Рассела стала публикация на русском языке его двух работ: «Человеческое познание. Его сферы и границы» (1957) и «История западной философии» (1959). В 1958 г. публикуется «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна с введением Б. Рассела, которое не удовлетворило автора трактата. Постоянно появляются краткие сообщения о новых работах Рассела в критико-библиографическом бюллетене «Новые книги за рубежом по общественным наукам». В стране «победившего атеизма» выходят его «Почему я не христианин» (1958) и «Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию?» (1959), которые вызвали несколько публикаций на эту тему. Журналы, следуя атеистическому прочтению мыслителя, публикуют его рассказы: «Сатана в пригороде» (1963), «Кошмар богослова» (1966). Сборник «От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела» (1969) включал ряд тем с опорой на «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского. Вначале был дан обзор идейных позиций и принципов международных организаций свободомыслящих и гуманистов. Через наследие Ренессанса и Просвещения раскрывается становление идеологического феномена свободомыслия. Активное участие в деятельности союза принимал Бертран Рассел, избранный на конгрессе в Дуйсбурге (1963) почетным председателем организации. С его участием вырабатывалась и резолюция этого конгресса, которая прямо продолжала решения и резолюцию манифеста 1945 г. В резолюции делался особый упор на неотложной задаче современности — борьбе за мир. В 1966 г. конгресс уделил чрезвычайное внимание войне во Вьетнаме. Рассел адресовал американским солдатам страстный призыв отказаться воевать в этой стране. В пропаганде секуляристских идей и в практической деятельности союз исходил из работ и Б. Рассела, посвященных про-

блемам этики и практической морали. Большая статья Б. Э. Быховского и Б. В. Мееровского была посвящена Международному гуманистическому и этическому союзу, воззрениям П. Т. де Шардена, атеизму потерянных и неугнетенных (атеизму Ж.-П. Сартра) и атеизму Бертрана Рассела.

В 1962 г. И. С. Нарский издает лекцию по философии Бертрана Рассела. Эта небольшая работа представляла мыслителя позитивистом. Позитивистский след мыслителя отражен в работах А. И. Корнеевой. Стали появляться аналитические работы по этому поводу. В 1960 г. В. В. Соколов в «Вопросах философии» публикует большую статью «Рассел как историк философии», И. С. Нарский и Е. Ф. Помогаева — «Бертран Рассел — философ и гуманист». В работе А. С. Богомолова по англо-американскому неореализму (1962) и его книге «Английская буржуазная философия XX в.» (1973) дается обстоятельная характеристика мыслителю. После этого периода книги Рассела вышли из спецхрана, и широкая публика смогла читать их свободно.

